

что въ стѣняхъ ѣздить по дѣламъ и по нуждѣ, а не изъ любопытства, не для изученія! Ты называешь всѣ вещи ихъ настоящими именами, мѣсяцъ называешь просто мѣсяцемъ, а не воздушной или небесной ночной лампадой! Ахъ, если бы зналъ ты, какъ уменъ твой глупый отвѣтъ: «мы не путешествуемъ, а ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы; мы—не путешественники, а просто—дворяне, ѣдемъ-себѣ въ деревню!..»

Иванъ Васильевичъ книжнымъ языкомъ толкуетъ своему спутнику о пользѣ путешествій, — и Василій Ивановичъ, ничего не понимая, но смутно предчувствуя, что юноша несетъ страшную дичь, отвѣчаетъ ему: «Вошь-съ». Иванъ Васильевичъ съ риторическимъ восторгомъ говоритъ о своихъ предполагаемыхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ, о пользѣ, которую сдѣлаетъ его книга; Василій Ивановичъ, наконецъ, объясняется на-прямки: «Ты все такое мелишь странное». Иванъ Васильевичъ толкуетъ о своей любви и своемъ уваженіи къ русскому мужику и русскому барину, и о своей ненависти и своемъ презрѣніи къ чиновнику. Василій Ивановичъ, человѣкъ умный по привычкѣ, и потому совершенно чуждый и благоговѣніи къ мужику и барину, и презрѣніи къ чиновнику, такъ какъ всѣхъ ихъ онъ находитъ въ порядкѣ вещей, спрашиваетъ: «А отчего же это, батюшка, ненавидите вы чиновниковъ?» Иванъ Васильевичъ прибѣгаетъ къ уловкѣ всѣхъ людей, которые ничего не въ состояніи понять въ идеѣ, въ принципѣ, въ источникѣ, а все понимаютъ случайно, и раздѣляетъ чиновниковъ на благородныхъ, которыхъ онъ уважаетъ, и на такихъ, которыхъ презираетъ за ихъ трактирную образованность, за отсутствіе въ нихъ всего русскаго, за взяточничество. Отсутствіе всего русскаго — и взяточничество! Каковъ?.. Браня чиновниковъ, онъ восхищается мужиками, увѣряя, что ничего не можетъ быть красивѣе и живописнѣе ихъ. «Въ мужикѣ, — говоритъ онъ, — таится зародышъ русскаго богатырскаго духа, начало нашего отечественнаго (народнаго, національнаго) величія». — «Хитрыя бываютъ бестіи!» замѣтилъ Василій Ивановичъ... Аполлогистъ не смѣшался отъ этого замѣчанія, совершенно чуждаго всякихъ претензій на остроуміе или юморъ, но которое тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ невиннѣе и простодушнѣе, — и поставилъ въ огромную заслугу мужику его, будто бы, способность сдѣлаться, по желанію (желательно бы знать, чьему?), музыкантомъ, механикомъ, живописцемъ, управителемъ, чѣмъ угодно. Если хотите, — это, къ сожалѣнію, справедливо: изъ страха или изъ корысти русскій человѣкъ возмется за все, вопреки мудрому правилу:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ.

Покажите русскому человѣку хоть Аполлона Бельведерскаго: онъ не сконфузится и топоромъ, и скобелю сдѣлаетъ изъ еловаго бревна Аполлона Бельведерскаго, да еще будетъ божиться, что его работа настоящая нѣмецкая. Потому-то русскіе покупатели такъ страстны къ иностранной работѣ и такъ боятся отечественныхъ издѣлій. Конечно, способность и готовность ко всему, хотя бы и вынужденная, имѣть свою хорошую сторону и иногда творить чудеса: противъ этого мы ни слова. Но вѣдь иногда совсѣмъ не то, что всегда, и *tour de force*, какъ дѣло случайности и удачи, совсѣмъ не то, что свободное произведение таланта или природной способности, развитой правильнымъ ученіемъ. Умы поверхностные любятъ увлекаться блестящимъ, бросающимся въ глаза, парадоксальнымъ; но умъ основательный не позволяетъ себѣ увлечься лицевой стороной предмета, не посмотрѣвъ на изнанку; естественное и простое онъ всегда предпочтетъ насильственному и хитрому.

Есть однако жъ въ апологій Ивана Васильевича мысль очень умная и дѣльная — о гнусности и вредѣ существа, называемаго дворовымъ человѣкомъ; есть честь истины и въ его одностороннемъ взглядѣ на чиновника, какъ потомка двороваго члѣвѣка.

„Дворовый не что иное, какъ первый шагъ къ чиновнику. Дворовый обрить, ходить въ длиннополомъ сюртукѣ домашняго сукна. Дворовый служить потѣхой праздної зѣни и привыкаетъ къ тунеядству и разврату. Дворовый уже пьянствуетъ и воруетъ, и важничаетъ, и презираетъ мужика, который за него трудится и платитъ за него полшунны. Потомъ, при благополучныхъ обстоятельствахъ, дворовый вступаетъ и въ конторщики, въ вольноотпущенные, въ приказные; приказный презираетъ и двороваго, и мужика, и учится уже крячкотворству, и потихоньку отъ исправника подбieraетъ себѣ куръ да гривенники. У неге сюртукъ нанковый, волосы примазанные. Онъ обучается уже воровству систематическому. Потомъ приказный спускается еще на ступень ниже, дѣлается писцомъ, повѣтчикомъ, секретаремъ и, наконецъ, настоящимъ чиновникомъ. Тогда сфера его увеличивается; тогда получаетъ онъ другое бытіе: презираетъ и мужика, и приказнаго, потому что они, изволите видѣть, люди необразованные. Онъ имѣетъ уже высшія потребности, и потому крадетъ уже ассигнаціями. Ему вѣдь надо пить донское, курить табакъ Жукова, играть въ банчикъ, ѣздить въ тарантасъ, выписывать для жены чепцы съ серебряными колосьями и шелковыя платья. Для этого онъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вступаетъ на свое мѣсто, какъ купецъ вступаетъ въ лавку, и торгуетъ своимъ вліяніемъ, какъ товаромъ. Попадается иной, другой... „Нипшто ему, говорятъ собратья. Веря, да умѣй“ (стр. 30—31).